РУССКИЙ ПАЛОМНИК

приложение май 2026

ХРАМЫ РУССКОГО ФОРПОСТА

ИСТОРИЯ ОТ ЯМА ДО КИНГИСЕППА

Русский паломник

Приложение
май 2026

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-77331 от 25.12.2019 г.

Подписано в печать 04.05.2026

Тираж 999 экз.

Распространяется бесплатно

© «Русский паломник», 2026

Дополнительные материалы

Уважаемые читатели!

Куар-код, опубликованный в этом номере нашего журнала, ведет на интернет-страницу с дополнительными материалами по теме номера. Чтобы прочитать куар-код, понадобится смартфон с установленной программой чтения таких кодов (многие современные модели смартфонов умеют читать куар-коды без установки специальных программ — просто включите камеру и наведите объектив на код).

По ссылке, которая записана в куар-коде, вы попадете в каталог дополнительных ресурсов, где приводятся ссылки на интернет-страницы главных православных храмов Санкт-Петербурга.

Приятного чтения!

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

2 Приветственное слово губернатора Ленинградской области Александра Дрозденко

3 От редакции: приветственное слово Дениса Новикова

4 Крест под синим куполом

10 Иконостас, который сохранил память о Пенино

15 Ивановское. Храм святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова

19 Собор святой великомученицы Екатерины в Кингисеппе: храм на берегу Луги

Дорогие друзья!

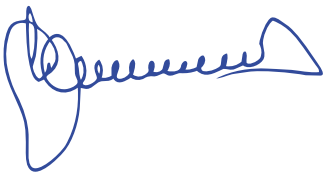
Наш прекрасный регион богат историей, природой, традициями а главное — талантливыми людьми.

Каждый, кто по-настоящему гордится своей малой родиной, должен хорошо разбираться в событиях разворачивавшихся в разные периоды времени на нашей земле, ценить ее культурные богатства, знать своих знаменитых сограждан.

Изучение родного края и восстановление летописи его духовных святынь — это не просто научная или общественная деятельность. Это высокое служение, которое возвращает нам наши корни, укрепляет живую связь времен и поколений.

Благодаря Вашей поддержке краеведения и кропотливому изучению истории храмов, открываются забытые страницы прошлого. Древние церкви и обители предстают перед нами не только как уникальные памятники архитектуры, но и как подлинные центры духовной жизни, культуры и просвещения нашего народа.

Вы возвращаете обществу его историческую память, прививаете любви к малой родине и созидаете прочный фундамент для будущего.

Губернатор Ленинградской области
А. Ю. Дрозденко

От редакции

Для меня краеведение начинается с вопроса: что было на этой земле до меня? Военные походы времен Александра Невского к крепости Копорье, или уже XX век и Лужский рубеж, бои на реке Нарве, Невский пятачок, «Дорога жизни» — я вижу в них не сухие даты, а живых людей: солдат, тружеников тыла, медсестёр, детей блокады.

Старые сельские храмы, пережившие войну и разрушение, для меня хранят эту память не меньше воинских мемориалов. И здесь общая работа Военно-исторического общества и Ассоциации краеведов Ленинградской области.

Я убеждён: сохранять историю родной земли — значит не дать памяти исчезнуть. Этому и посвящен выпуск нашего журнала, с которым предлагаю ознакомиться!

Член Военно-исторического общества,
член попечительского совета Ассоциации
краеведов Ленинградской области,
подполковник Денис Новиков

КРЕСТ ПОД СИНИМ КУПОЛОМ

На старой дороге к Ямбургу Опольский храм веками встречал тех, кто ехал через пограничную землю. Его стены помнят шведские войны, гонения, революцию и войну. Но главная его история не каменная: это история людей, которые сохраняли здесь молитву и передавали память о храме следующим поколениям.

Ополье и старый погост

Сегодня белые стены и сине-голубой купол хорошо заметны с трассы Санкт-Петербург — Нарва. Само церковное место известно по документам с XVI века, а приход существовал здесь задолго до того, как в конце XIX столетия над Опольем появился каменный храм, который мы видим теперь.

В переписной книге 1500 года упомянут Опольевский погост и церковь Воздвижения Честного Креста. Уже тогда храм был не отдельным зданием, а центром местной жизни.

Ополье находилось в Водской пятине Новгородской земли, недалеко от Яма — будущего Ямбурга. Через эти места проходили важные пути, связывавшие северо-западные земли с Новгородом и Балтийским побережьем. Здесь встречались разные народы и культуры, а пограничное положение края не раз делало его ареной войн.

Людей притесняли за веру, многие семьи уходили на русскую сторону, бросая землю и имущество.

Опольский погост оказался в центре тяжелых событий конца XVI — начала XVII века. В 1581 году шведы захватили Нарву, Ивангород, Ям и Копорье. В феврале 1582 года неподалеку, у Лялиц, произошло сражение, остановившее шведское наступление. Спустя несколько десятилетий край снова оказался под чужой властью.

После Столбовского мира 1617 года Ямской и Ивангородский уезды вошли в состав шведской Ингерманландии. Для православного населения это было тяжелое время. Людей притесняли за веру, многие семьи

Церковь Воздвижения Честного Креста Господня в Ополье. Фото С. Низова

уходили на русскую сторону, бросая землю и имущество. Православные приходы старались сохранить богослужебную жизнь, но положение их было крайне непрочным.

Каменный храм

В XVIII столетии на месте нынешней церкви стоял деревянный храм. Он был построен в 1730 году и со временем, как это часто бывало с сельскими церквами, начал ветшать. В XIX веке прихожане старались поддерживать его: в 1852 году под здание подвели каменный фундамент, укрепили пол, провели штукатурные работы, обновили иконостас. В алтаре появились новые иконы работы М. И. Любавина.

Но ремонт уже не мог решить главную проблему. Деревянное здание старело, а приход был большим. По состоянию на 1885 год здесь насчитывалось 2415 прихожан: 1057 мужчин и 1358 женщин. К храму относились десятки селений и деревень, а в самом Ополье проходили две ярмарки: в день святых апостолов Петра и Павла и на Воздвижение Креста Господня.

Памятник усопшим воинам. Фото С. Низова

Церковная жизнь не ограничивалась богослужением. После Литургии совершались крестные ходы, в деревнях действовали часовни. Люди приходили в храм из мест, которые сегодня кажутся совсем близкими, но в ту пору путь пешком или на лошади занимал немало времени.

Новый храм требовал больших средств. В 1863 году прихожане пожертвовали на церковь огромный по тем временам колокол весом 76 пудов 17 фунтов. Это был не просто церковный предмет: такой дар свидетельствовал о способности прихода сообща решать большие задачи.

Церковь Воздвижения Честного Креста Господня в Ополье. Фото С. Низова

В 1874 году было подано прошение о строительстве каменной церкви. Проект составил епархиальный архитектор Иван Иудович Буланов. Он использовал за основу проект каменной церкви в Вороновском погосте Новоладожского уезда, утвержденный еще в 1870 году.

Строительство церкви началось 3 июня. Денег в приходской казне было недостаточно, поэтому недостающие средства собирали пожертвованиями. В течение 1874–1882 годов вырос новый каменный храм. В 1882 году его строительство было освидетельствовано как прочное и качественное, а в следующем году это заключение было подтверждено.

С первого взгляда храм кажется очень простым. Но эта простота обманчива. Его план имеет форму восьмиконечного креста. Краснокирпичные стены, три полукруглые алтарные апсиды, два боковых крыльца, высокое западное крыльцо и один высокий купол создают цельный силуэт. К храму примыкает трехъярусная колокольня с небольшой луковичной главкой.

Центральный объем поднимается над окружающей застройкой, а колокольня связывает храм с открытым пространством села. Для человека, который приближается к Ополью по дороге, эта вертикаль становится знаком: здесь есть место молитвы.

Главный престол посвящен Воздвижению Креста Господня. Левый придел — святителю Николаю, правый — святым апостолам Петру и Павлу. Такое устройство храма напоминает и о его приходской истории, и о том, что церковь строилась не для одной праздничной даты, а для постоянной жизни многих поколений.

Приход и его люди

В 1821 году диаконом Крестовоздвиженской церкви был рукоположен Петр Травлинский, обучавшийся в Ямбургском уездном училище. Впоследствии он был похоронен на церковном кладбище. В 1866 году в храме служил диакон Иоанн Карпин. Его внук Александр Карпин позднее стал первым православным епископом Хельсинки.

Особое место занимала школа. В 1858 году занятия проводились в квартире дьячка Евфимия Краснопевкова. А в 1891 году в церковном доме открылась церковно-приходская школа. Учителем и законоучителем стал Николай Николаевич Орнатский, человек, чья судьба связывает Ополье с историей русского духовенства начала XX века.

Через Ополье прошла и судьба семьи Орнатских. Брат Николая, Философ Орнатский, в 1890 году крестил здесь своего племянника Александра и стал его крестным отцом. Позднее отец Философ

стал известным петербургским проповедником и настоятелем Казанского собора. В 1918 году он был расстрелян вместе с сыновьями Борисом и Николаем и впоследствии прославлен Русской Православной Церковью как священномученик.

Иоанн Кронштадтский в Ополье

Осенью 1900 года в Ополье произошло событие, которое навсегда стало одной из самых известных страниц истории храма.

25 октября протоиерей Иоанн Сергиев, которого вся Россия знала как Иоанна Кронштадтского, прибыл вечерним поездом со станции Веймарн. Он приехал на освящение обновленного храма. В селе его встретили представители духовенства и многочисленные почитатели. Остановился отец Иоанн в доме церковного старосты Алексея Сергеевича Яковлева.

Этот визит особенно дорог истории Ополья потому, что сохранилось не только предание о приезде известного пастыря, но и текст его проповеди. Поэтому мы можем услышать не пересказ, а собственный голос человека, который стоял в этом храме.

«Для чего нужен храм?» — спрашивал Иоанн Кронштадтский. И отвечал, что храм необходим христианину для богослужения, молитвы, покаяния и благодарения Богу. Для него храм был не просто красивым зданием, а пространством, где человек учится жить перед Богом.

Церковь Воздвижения Честного Креста Господня в Ополье. Фото С. Низова

Испытания в годы Революции

В начале XX века церковная жизнь испытывала серьезные трудности. Менялось общество, усиливались секулярные настроения, распространялись новые политические и религиозные идеи. Революция 1917 года стала рубежом, после которого положение Церкви резко изменилось.

Опольский храм в первые годы после революции не закрыли. Но это не означало, что приход избежал преследований. В 1918 году был арестован настоятель Гавриил Семеновский, служивший здесь с 1906 года и заведовавший церковно-приходской школой. В воспоминаниях протоиерея Михаила Чельцова сохранилось свидетельство о его заключении и тяжелом пребывании в тюрьмах.

В 1919 году настоятелем стал уроженец Ополья Леонид Николаевич Орнатский, сын бывшего диакона храма Николая Орнатского. Он прослужил здесь до 1928 года. Позднее был обвинен в антисоветской агитации и провел годы в лагерях НКВД.

В 1939 году Крестовоздвиженскую церковь закрыли. Иконостас, библиотеку и церковную утварь, не представлявшую для властей материальной ценности, вывезли

на поляну неподалеку и сожгли. Сам храм использовали как зернохранилище.

Великая Отечественная война, испытания и возрождение

Война принесла Ополью новые испытания. Оккупация продолжалась с августа 1941 года по январь 1944 года. В сентябре 1942 года в Крестовоздвиженской церкви возобновились богослужения. Их совершал протоиерей Александр Степанов, который одновременно окормлял соседний Керстовский приход.

Сохранилось его письмо митрополиту Алексию. В нем нет привычной литературной стройности — только тревога человека, который пытается восстановить церковную жизнь среди разорения. Не хватало утвари, облачений, богослужебных книг, антиминса. Священнику приходилось фактически заново устраивать храм вместе с местными жителями.

Особенно трогательны воспоминания Анастасии Порываловой о Пасхе военного времени. В семье пекли куличи из того, что удавалось достать. Не было привычного достатка, не хватало сахара, дрожжей, яиц. Но пасхальную пищу все равно несли в храм, освящали после службы, делились друг с другом.

28 января 1944 года Ополье было освобождено. В окрестностях остались братские могилы воинов и погибших жителей. Особенно страшной была трагедия Ямсковиц, где в конце января 1944 года немецкие оккупанты расстреляли 24 человека. Среди них был псаломщик Крестовоздвиженского храма Павел Харитонович Слепнев с супругой Екатериной.

Отец Александр Степанов оказался свидетелем этой трагедии. Он помогал отпевать погибших и похоронить их. В письме архиерею он просил молитв об упокоении расстрелянных прихожан и писал о том, что сам чудом остался жив.

Среди сохранившихся образов особенно выделяется икона святого Пантелеимона Целителя, написанная и освященная на Афоне в 1894 году. Есть здесь и большой список Старорусской иконы Божией Матери. В храме хранятся древние образы Николая Чудотворца, Сергия Радонежского, Космы и Дамиана, Параскевы Пятницы, Воздвижения Креста Господня и других святых.

Ополье в послевоенном Советском Союзе

Протоиерей Игорь Ранне служил в Ополье с начала 1950-х годов. Он происходил из семьи русских эмигрантов, учился в Ленинградской духовной семинарии, был знаком с будущим Патриархом Алексием II. В 1960-е годы он оказался в центре внимания советской атеистической кампании. После одного из антирелигиозных мероприятий в Ополье священник покинул клуб, не дожидаясь окончания встречи.

В 1967 году настоятелем стал молодой иеромонах Исидор — Николай Васильевич Кириченко, уроженец Веймарна. Ему было всего двадцать шесть лет. Местные жители хорошо знали его как Николая и сначала не сразу воспринимали как священника. Но, как вспоминал впоследствии сам митрополит Исидор, примерно через два месяца все привыкли: люди стали подходить к нему за благословением и откровенно исповедоваться.

После него в Ополье служил иеромонах Дамаскин, будущий епископ Мукачевский и Ужгородский. В 1975 году настоятелем стал игумен Гурий — Николай Антонович Кузьмин. При нем храм активно благоустраивался: провели водяное отопление, обновили внутреннюю отделку и живопись, перекрыли крышу, привели в порядок кладбище, заасфальтировали дорогу, установили фонари, завершили строительство церковного дома.

Девяностые, Новая Россия, Патриарх Алексий II

В 1990-е годы Ополье посетил Патриарх Алексий II. Для прихожан это было большим событием. Староста Апполинария Данилова, много лет помогавшая храму, встретила Патриарха колокольным звоном. Этот эпизод прост и потому особенно выразителен: история Церкви здесь продолжалась не только в официальных визитах, но и в труде конкретных людей.

Старое кладбище вокруг храма особенно ясно показывает эту связь. Здесь сохранились семейные

Интерьер с иконостасом церкви Воздвижения Честного Креста Господня в Ополье. Фото С. Низова

захоронения Зайцевых, Павловичей, Ивановых, Варламовых. Здесь похоронены люди, связанные с приходом в XIX и XX веках. Здесь находятся могилы семьи Слепневых, погибших во время войны.

За алтарем установлен крест на месте алтаря прежней деревянной церкви. Новый храм стоит на месте старого, но старый не исчезает из памяти.

Храм, который продолжает жить в XXI веке

В 2015–2016 годах при храме начала работать воскресная школа. С 2016 года настоятелем является иеромонах Пантелеимон. В 2017–2018 годах были обновлены стены алтарной части, установлена подсветка, восстановлен придел святых апостолов Петра и Павла, в котором богослужения не совершались с 1930-х годов. Были изготовлены новые престол и жертвенник.

В 2018–2020 годах продолжались ремонтные работы: обновлялась внутренняя часть храма, появилась новая роспись западной стены, ремонтировались фасад и колокольня, обновлялся купол. В храм привозили частицы мощей святых для поклонения верующих, перед святынями читались акафисты.

Память и продолжение

Он слышится и в проповеди Иоанна Кронштадтского, произнесенной здесь осенью 1900 года. Для святого праведного Иоанна храм был местом, где человек учится молитве и очищению.

Наверное, именно поэтому через сто с лишним лет его слова не воспринимаются как только исторический документ.

И пока над старой дорогой поднимается купол Крестовоздвиженской церкви, эта история продолжается. В ней нет окончательной точки. Потому что храм — это не только стены, кирпич и колокольня. Это память о тех, кто здесь молился, трудился, страдал и надеялся. Память, которая становится живой всякий раз, когда человек переступает порог и обращается к Богу.

ИКОНОСТАС, КОТОРЫЙ СОХРАНИЛ ПАМЯТЬ О ПЕНИНО

В Опольском храме хранится святыня, созданная для другой церкви. Когда-то этот иконостас стоял в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Пенино. Его путь из одного села в другое — история не только церковного искусства, но и памяти прихода, который пережил тяжёлые испытания XX века.

Пенино расположено на территории древней Сумерской волости, в крае, который на протяжении столетий оставался пограничным. Археологические исследования обнаружили здесь курганы и жальники, а на старом кладбище сохранился каменный крест, ориентировочно датируемый XIV–XV веками. Письменные источники позволяют проследить историю местного погоста по крайней мере с конца XV–XVI столетий. Исследователи связывают раннюю историю Пенинской церкви с новгородским Рождественским Лисицким монастырём, хотя точное время появления первого храма установить невозможно.

Симеон Гаврилович Гаврилов пожертвовал для нового храма золочёный иконостас.

Первое документальное упоминание деревянной церкви Рождества Богородицы в Пенинском погосте относится к XVII веку. Позднее здесь существовал храм, освящённый в 1789 году. Он был деревянным, двухэтажным и имел три престола: главный — в честь Рождества Пресвятой Богородицы, а приделы — в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и святой мученицы Параскевы. Рядом находился источник, связанный с почитанием святой Параскевы.

К концу XIX столетия старый храм уже не соответствовал размерам прихода. Церковь ветшала, а число прихожан было значительным. Возникла необходимость в новом каменном здании. Важную роль в этом деле сыграл Симеон Гаврилович Гаврилов — местный уроженец, ставший состоятельным человеком и церковным старостой. Однако строительство нельзя считать делом одного благотворителя. Средства собирались всем приходом, сельские общества принимали

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Пенино. Фото С. Низова

решения о пожертвованиях, заготавливались камень, кирпич, лес и другие материалы.

Проект нового храма разработал Николай Никитович Никонов, епархиальный архитектор Санкт-Петербургской епархии. Строительство каменной церкви Рождества Пресвятой Богородицы стало большим событием для Пенино. Новый храм задумывался как просторная приходская церковь, способная вместить множество богомольцев. Его создание показывает, насколько значительной могла быть приходская жизнь в небольшом сельском поселении.

Одним из самых значительных даров стал иконостас. По данным исследования истории Пенино, Симеон Гаврилович Гаврилов пожертвовал для нового храма золочёный иконостас, стоимость которого превышала десять тысяч рублей. Для сельского прихода это была огромная сумма. Иконостас должен был не просто украсить церковь: он становился центральной частью её внутреннего пространства, зрительно и духовно организуя храм.

Документы начала XX века позволяют представить его достаточно подробно. По описи церковного имущества 1923 года иконостас был четырёхъярусным, резным и сплошь вызолоченным. В нём насчитывалось две большие и пятьдесят пять малых полуломаных рам, а всего — семьдесят икон живописной работы. Эти цифры дают возможность почувствовать масштаб утраченного ныне церковного интерьера Пенино.

В истории этого храма есть и событие, связывающее Пенино с одним из самых известных русских пастырей начала XX века. В августе 1900 года здесь участвовал в освящении главного престола святой праведный Иоанн Кронштадтский. В следующем году он вновь приехал в Пенино — на освящение боковых приделов и часовни у источника святой Параскевы. Для местного прихода это были события исключительного значения.

После революции эта жизнь стала меняться. Первые послереволюционные годы не означали немедленного исчезновения прихода. Храм продолжал

Храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы.
Снимок происходит из собрания Сергея Филатова,потомка строителя храма — Семена Гавриловича Гаврилова,похороненного с членами своей семьи у алтаря храма.
Источник: В. Будько. slanist1934.livejournal.com

действовать, однако церковная община постепенно сталкивалась с изъятием имущества, давлением на духовенство и общим изменением государственной политики. В 1920-е годы в приходе сохранялись богослужения, но прежняя система приходской жизни уже была разрушена.

Затем наступили годы, когда судьба храмов определялась решениями государственных органов. Для Пенино этот процесс оказался особенно болезненным. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы продолжала существовать и в годы войны. В 1941 году храм ещё был сохранён, а в 1942 году здесь начал служить протоиерей Алексий Кибардин. Его служение пришлось на время немецкой оккупации и тяжёлых испытаний для местных жителей.

В этом месте история Пенино особенно сильно выходит за пределы истории одного здания. Война изменила весь окружающий мир. Село оказалось в зоне оккупации, люди жили в условиях постоянной опасности, а церковная жизнь продолжалась в чрезвычайных обстоятельствах. Священник, который служил в Пенино, был связан с судьбами местных жителей и после войны продолжил свой жизненный путь, пройдя через новые испытания.

И здесь происходит поворот, который определил дальнейшую судьбу иконостаса.

В 1948 году иконостас из Пенинского храма был перевезён в Крестовоздвиженскую церковь села Ополье. Это событие стало своеобразным рубежом. Для Пенино оно означало расставание с одной из важнейших частей внутреннего убранства храма. Для Ополья — появление новой святыни, которая должна была занять место в храме и продолжить своё существование уже в другом приходе.

Для Пенино иконостас стал тем, что удалось сохранить тогда, когда сама церковная жизнь была прекращена. Для Ополья он оказался частью послевоенного церковного пространства. Сегодня человек, входящий в Крестовоздвиженский храм, может воспринимать его как часть Опольского интерьера, но его происхождение напоминает о другом селе и другом приходе.

Пенинский иконостас позволяет представить храм, каким он был в начале XX века. Его четыре яруса, золочёная резьба и многочисленные иконы составляли единый ансамбль. Перед ним молились жители Пенино и окрестных деревень. Его видели священнослужители, прихожане, дети, приходившие в храм, паломники и случайные посетители. Он был частью не праздничной декорации, а повседневной церковной жизни.

Особенно важен здесь человеческий масштаб. Мы знаем имя человека, который пожертвовал средства на создание иконостаса. Знаем, что за строительством храма стоял целый приход. Знаем, что в Пенино приезжал Иоанн Кронштадтский. Знаем, что в военные годы здесь продолжал служить священник. Но за этими известными именами стояли сотни людей, чьи имена сегодня не всегда можно восстановить.

В 1953 году здание Пенинского храма было передано колхозу для использования под склад. Так

церковь окончательно потеряла своё первоначальное назначение. Позднее храм пережил годы запустения и разрушения. Восстановление началось уже в новейшее время, когда Пенино вновь стало возвращаться к собственной церковной истории.

Сегодня восстановленный храм Рождества Пресвятой Богородицы позволяет увидеть, насколько большой была когда-то приходская жизнь. Но даже восстановленный храм не вернул всё, что было в нём прежде. Часть вещей исчезла, часть была утрачена, а часть, как иконостас, продолжила существование в другом месте.

Часовня в Пенино. Фото С. Низова

При этом важно не романтизировать прошлое. История Пенино была непростой. Здесь, как и во многих русских приходах, церковная жизнь зависела от труда прихожан, состояния дороги, достатка семей, отношений с местными властями и способности общины сохранять единство. XX век принёс революцию, давление на Церковь, войну, прекращение богослужений и использование храма как хозяйственного помещения.

Он прошёл через смену эпох не как символ, придуманный позднейшими авторами, а как реальная вещь. Сначала его создавали для конкретного храма. Затем перед ним молились люди нескольких поколений. Потом храм опустел, и иконостас оказался в другом месте. Наконец он вошёл в современную церковную жизнь Ополья.

В этом смысле Пенино и Ополье образуют своеобразную пару. Одно место напоминает о храме, который пережил запустение и в наше время возвращается к жизни. Другое сохранило непрерывность богослужебной традиции и приняло в свои стены часть убранства соседнего прихода. Иконостас оказался между ними связующим звеном.

Но было бы неправильно говорить только о «перенесённой святыне». В Ополье иконостас получил новую страницу своей истории. Здесь его видели уже другие поколения. Для современных прихожан он связан прежде всего с их собственным храмом. Для краеведа же он открывает дополнительный пласт памяти — историю Пенино.

Именно поэтому его нельзя воспринимать только как архитектурную деталь. В нём соединены материальная культура, история Церкви и судьба конкретного места. Он напоминает, что православная история Северо-Запада складывается из множества небольших, но связанных между собой историй.

Сегодня, находясь в Ополье, иконостас уже не воспринимается как чужой. Он стал частью местного храма и его современной жизни. Но знание о его происхождении делает взгляд другим. За золочёной резьбой открывается Пенино, за Пенино — большой приход конца XIX — начала XX века, за приходом — люди, собиравшие средства и строившие храм, а за ними — ещё более древняя история этой земли.

В этом и заключается сила краеведения. Оно возвращает местам имена и связи, которые легко потерять, если смотреть только на современную карту. Пенино и Ополье находятся рядом, но история иконостаса показывает, что их связь может быть гораздо глубже расстояния между двумя селами.

Пенинский храм продолжает восстанавливаться. Опольский храм продолжает жить своей приходской жизнью. А иконостас, созданный для Пенино, остаётся в Ополье свидетелем того времени, когда эти два прихода ещё не знали, что однажды их истории соединятся.

Наверное, именно поэтому особенно важно не только сохранить сам иконостас, но и рассказывать о его происхождении. Без истории он остаётся красивой частью интерьера. С историей он становится свидетельством.

Свидетельством того, что память может пережить разрушение привычного мира. Что церковное наследие иногда продолжает путь там, где его никто не ожидал увидеть. И что судьба одного храма способна неожиданно продолжиться в другом.

История Пенино и история его иконостаса потому и заслуживают отдельного рассказа: здесь речь идёт не только о прошлом. В Ополье эта история по-прежнему находится перед глазами тех, кто входит в храм. И пока перед сохранённым иконостасом совершается молитва, связь между Пенино и Опольем остаётся не только страницей краеведческой книги, но частью живой человеческой памяти.

Пенинский приход был не только местом, куда люди приходили на службу в воскресный день. Его жизнь была связана с соседними деревнями, семейными событиями и местными обычаями. В церковных документах сохранялись сведения о крещениях, браках и погребениях, а вокруг храма существовало то повседневное пространство общения, без которого невозможно представить старинный сельский приход. Именно поэтому строительство нового здания в конце XIX века было для Пенино событием, затрагивавшим практически каждую семью.

Особое значение имела и сама организация строительства. В источниках сохранились сведения о собраниях сельских обществ, о денежных сборах и о том, как прихожане обеспечивали стройку необходимыми материалами. Такие подробности важны потому, что позволяют увидеть за большой каменной церковью не отвлечённую историю архитектуры, а коллективный труд. Храм создавался не только по проекту архитектора и на деньги одного жертвователя. Он становился результатом общей воли прихода.

Поэтому иконостас, пожертвованный Симеоном Гавриловичем Гавриловым, следует воспринимать в этом же контексте. Это был крупный дар, но он входил в общий замысел — создать храм, достойный большого прихода. Золочёная резьба, многочисленные иконы и несколько ярусов формировали торжественный образ внутреннего пространства. Для современного читателя цифра в семьдесят икон может показаться лишь статистикой. Для прихожан того времени это была привычная часть их молитвенного мира.

Важна и судьба самого здания после прекращения богослужений. Когда храм перестал быть действующей церковью, исчезла привычная связь между зданием и приходом. Но это не означало мгновенного исчезновения памяти. Вокруг старого храма оставались кладбище, документы, устные свидетельства, отдельные предметы церковного имущества. Позднее именно совокупность этих свидетельств позволила исследователям восстановить историю Пенино значительно подробнее, чем можно было бы ожидать от небольшого сельского поселения.

Восстановление храма в наше время возвращает Пенино не только архитектурный облик. Оно возвращает самому месту возможность говорить о собственной истории. В этом современное состояние Пенино особенно интересно сопоставлять с судьбой иконостаса.

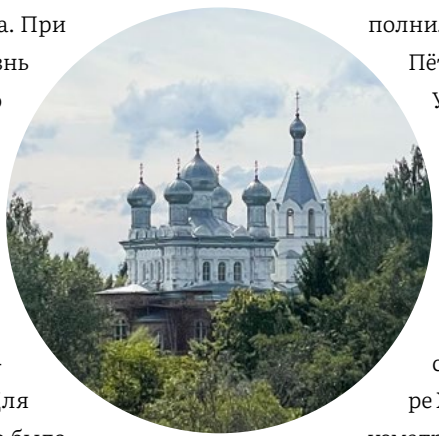
Один фрагмент прежнего церковного пространства вернулся в живую церковную среду не там, где был создан, а в Ополье. Другие части наследия остались связаны непосредственно с Пенино. Вместе они позволяют представить утраченную целостность храма.

Для краеведа здесь возникает естественный вопрос: что именно сохраняет предмет, если он покидает своё первоначальное место? Ответ на него нельзя свести к материальной сохранности. Память о храме и людях продолжает жить в Ополье и Пенино.

ИВАНОВСКОЕ. ХРАМ СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ИОАННА БОГОСЛОВА

На берегах Хревицы, у старой дороги к усадьбе, храм Иоанна Богослова вырос из истории одного имения и труда многих людей. Его строили по проекту Василия Косякова, закрыли в годы гонений, разрушили войной, а спустя десятилетия жители вернули ему молитвенное предназначение. И вернули ему голос молитвы.

Ивановское связано с родом Блоков. Имение было пожаловано императором Николаем I Александру Ивановичу Блоку, прадеду поэта Александра Александровича Блока. К началу XX столетия владельцем стала его внучка Наталья Ивановна Гирс, внучка А. И. Блока. При ней хозяйственная жизнь имения стала заметно активнее. В 1895 году здесь была основана бумагопрядильная фабрика; существовала и небольшая лесопилка. В 1904 году на фабрике работало около двухсот человек. Для сельской местности это было существенным изменением: рядом с усадьбой и деревнями возникал новый рабочий мир.

Храм появился именно в этот период перемен. В 1901 году Наталья Гирс начала строительство каменной церкви у дороги, которая вела из деревни Поречье к усадьбе, возле места, где Хревица разделяется на два рукава. 14 августа 1901 года губернские власти утвердили проект. Автором проекта считают Василия Антоновича Косякова, архитектора Синода; расчёт свода выполнил инженер-архитектор Пётр Павлович Трифонов. Уже само сочетание этих имён показывает, что сельская церковь создавалась как серьёзное архитектурное произведение.

Косяков обратился к русской архитектуре XVII века. Проект предусматривал пятиглавый храм с трапезной и двухъярусной шатровой колокольней. В композиции соединялись приёмы русского стиля и элементы византийско-романского характера. Килевидные наличники, кокошники, аркатурно-колончатые пояса, ширинки,

Храм Иоанна Богослова в Ивановском. Фото С. Низова

балюстрады и декоративные колонки создавали богатый, но цельный облик. Храм должен был быть узнаваем как русская церковь, однако построен он был современными ему средствами.

Основным материалом стал красный кирпич. Бетон применялся не только в конструктивных решениях, но и в декоративных деталях: из него выполнялись большой купол, балясины, наличники и колонки. Для начала XX века это было характерное сочетание традиционного образа и новой строительной техники. В результате возникло здание, в котором древнерусские мотивы не копировались буквально, а превращались в язык современной архитектуры.

Строительство велось около четырёх лет. Средства поступали от разных людей. Наталья Ивановна Гирс возглавляла строительную комиссию и участвовала в финансировании. Значительную помощь, по краеведческим сведениям, оказал крестьянин деревни Ветки Михаил Емельянов; участвовали и другие местные крестьяне. Поэтому храм нельзя считать исключительно усадебной постройкой. Он начинался по инициативе владелицы имения, но в его создании участвовала местная среда.

Храм был однопрестольным. В источниках встречаются разные сведения о дате освящения: чаще указывается 9 августа 1905 года, тогда как в некоторых поздних описаниях называется 1909 год. Документально подтверждённой датой, которую разумно использовать в основном повествовании, является 9 августа 1905 года. После освящения церковь была усадебной и приписывалась к приходу в Ястребине.

Затем произошло важное изменение. Население Ивановского росло, и прежняя система перестала соответствовать местным условиям. 23 марта 1911 года Священный Синод открыл здесь самостоятельный приход. Это было больше, чем административное решение. У храма появилось собственное приходское пространство, а церковная жизнь стала непосредственно связана с жителями Ивановского и окрестных деревень.

Первым настоятелем самостоятельного прихода стал священник Павел Дмитровский. В Ивановском он служил недолго, но его дальнейшая биография необычна: после революционных потрясений он оказался в Эстонии, служил в Нарве, в 1937 году был хиротонисан во епископа Нарвского, а после войны стал архиепископом Таллинским и Эстонским. История небольшого прихода тем самым оказывается связана с биографией человека, который впоследствии занял заметное место в церковной жизни Эстонии.

Но приход не состоял только из священнослужителей. В храме крестили детей, венчали супругов, отпевали умерших, исповедовались и причащались.

Для фабричных рабочих, крестьян и жителей усадьбы церковь была частью обычного жизненного ритма. Колокольня обозначала пространство поселения, а дорога рядом с храмом связывала его с окрестностями. В начале XX века церковь была не памятником, а действующим центром местной жизни.

В 1936 году храм закрыли. Перед войной в нём размещался пост воздушного наблюдения Красной армии. Это символически показывает, насколько изменилось назначение здания: место молитвы оказалось включено в военную систему. 14 июля 1941 года Ивановское заняли немецкие войска, и примерно месяц здесь проходил фронт. В ходе боёв колокольня была разрушена, храм получил тяжёлые повреждения.

Позднейшие воспоминания особенно ясно показывают глубину этого разрыва. Старожилы помнили, что закрытый храм использовали как ремонтную мастерскую и склад, но со временем не могли точно сказать, кому он был посвящён. Когда исчезает название, здание теряет важнейшую часть своей идентичности. Остаётся оболочка, но становится труднее увидеть в ней церковь.

Современное восстановление Ивановского храма интересно именно как возвращение функции. Можно восстановить стены и получить музейный объект, но храм становится храмом только тогда, когда в нём снова совершается Литургия. В Ивановском это различие особенно заметно. После

Храм Иоанна Богослова в Ивановском. Фото С. Низова

Ивановский храм пережил конец имперской эпохи, революцию, преследование духовенства, войну, послевоенное разрушение и возвращение верующих.

десятилетий, когда здание было мастерской и складом, в нём снова появилась молитва.

В этом отношении посвящение Иоанну Богослову приобретает дополнительный смысл. Апостол в христианской традиции — свидетель. Ивановский храм тоже стал свидетелем: он пережил конец имперской эпохи, революцию, преследование духовенства, войну, послевоенное разрушение и возвращение верующих. Конечно, камень не обладает человеческой памятью. Но сохранившееся здание позволяет человеку эту память восстановить.

Современный статус храма подтверждается и открытыми сведениями о приходской организации, действующей в Ивановском. Храм относится к Гатчинской епархии. Для паломника это означает, что перед ним не только объект культурного наследия, но действующее место молитвы. Для краеведа — возможность наблюдать, как историческое здание возвращается в первоначальный смысл.

Ивановское не следует воспринимать только через громкие имена. Связь с Блоками интересна, но храм не является «литературной достопримечательностью» в узком смысле. Главное здесь другое: в истории имения возникла церковь, затем церковь стала самостоятельным приходом, а потом этот приход был разрушен вместе с привычным укладом. Сегодня именно храм помогает снова увидеть человеческое измерение истории посёлка.

Сегодня, подходя к храму, человек видит не только то, что сохранилось, но и то, чего больше нет. Отсутствующая колокольня становится частью рассказа о войне. Утраченные детали напоминают о послевоенном разборе. Современные элементы говорят о восстановлении. Такая неоднородность не уменьшает исторической ценности здания. Напротив, она делает его честным свидетельством времени.

Храм Иоанна Богослова в Ивановском. Фото С. Низова

Ивановское хранит память не только о том, что было разрушено, но и о том, что удалось вернуть. Здесь особенно ясно видно: сохранение храма не ограничивается реставрацией стен. Нужно восстановить имя, рассказать о людях, вернуть место в культурную память и дать возможность совершать богослужение. Только тогда история перестаёт быть прошлым в музейном смысле и становится частью настоящего.

Возможно, поэтому самый точный образ Ивановского храма — не образ руины и не образ идеально восстановленного памятника. Это образ пути. От усадебной инициативы к приходу, от праздничного освящения к испытаниям, от закрытия к разрушению, от деревянного креста к возвращению богослужения. Такой путь занимает больше столетия, но в нём сохраняется одна постоянная черта: храм нужен людям.

Ивановский храм сегодня — это одновременно свидетель прошлого и место настоящего. Его стены рассказывают о начале XX века, а приход продолжает жить в XXI столетии. Между этими двумя точками нет простой прямой линии. Есть разрыв, утраты и возвращение. Но именно благодаря этому путь храма становится особенно понятным: память не была сохранена сама собой, её пришлось возвращать.

Пока в храме совершается богослужение, Ивановское сохраняет не только памятник архитектуры, но и связь поколений. Перед нынешними прихожанами уже не стоят задачи, которые решали строители 1901 года, но смысл их труда становится понятнее. Они создавали место молитвы. Спустя более века это место снова выполняет своё назначение.

И потому сегодня особенно важно смотреть на него не только снизу вверх, на сохранившиеся архитектурные детали, но и вокруг — на землю, дорогу, реку, посёлок. Именно здесь храм получает свой настоящий смысл. Он снова стоит среди людей, для которых память о прошлом может стать не воспоминанием о далёком мире, а частью собственной жизни.

История прихода показывает и другую закономерность: церковное здание переживает своих создателей только тогда, когда становится частью памяти нескольких поколений. Строители могли рассчитывать на десятилетия, но судьба распорядилась иначе. Тем не менее даже после закрытия храм не исчез из местного пространства. Сначала он сохранялся как знакомое здание, затем как руина, а позднее — как место, которое жители решили вернуть Церкви.

Для современного паломника особенно ценна возможность увидеть здесь не отвлечённую реконструкцию прошлого, а подлинное место с его утратами и продолжением. В Ивановском история читается в самой судьбе здания: в архитектуре Косякова, в следах войны, в возвращённом кресте и в действующем приходе. Здесь прошлое не отделено от настоящего: храм остаётся частью жизни посёлка.

СОБОР СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ В КИНГИСЕППЕ: ХРАМ НА БЕРЕГУ ЛУГИ

На высоком берегу Луги Екатерининский собор словно держит в памяти несколько веков Ямбурга и Кингисеппа. Его история началась с городского пожара, продолжилась трудом Ринальди, войной и разрушением, а затем — возвращением к жизни и горожанам.

История города, увиденная с высокого берега

До нынешнего собора в Ямбурге существовал другой. После освобождения города от шведского владычества в 1703 году здесь была устроена деревянная соборная церковь во имя Архистратига Михаила. Её история закончилась пожаром 9 мая 1761 года. В огне погибли два деревянных храма и десятки городских дворов. Для Ямбурга это было не только хозяйственное бедствие. Город на несколько лет оказался без полноценного соборного храма.

Екатерининский замысел

В 1764 году Ямбург посетила императрица Екатерина II. Именно с этим визитом связано начало нового этапа в истории города. 2 августа 1764 года последовал именной указ о строительстве каменного собора. Фактическое развёртывание работ произошло позднее, когда за восстановление Ямбурга взялся Иван Перфильевич

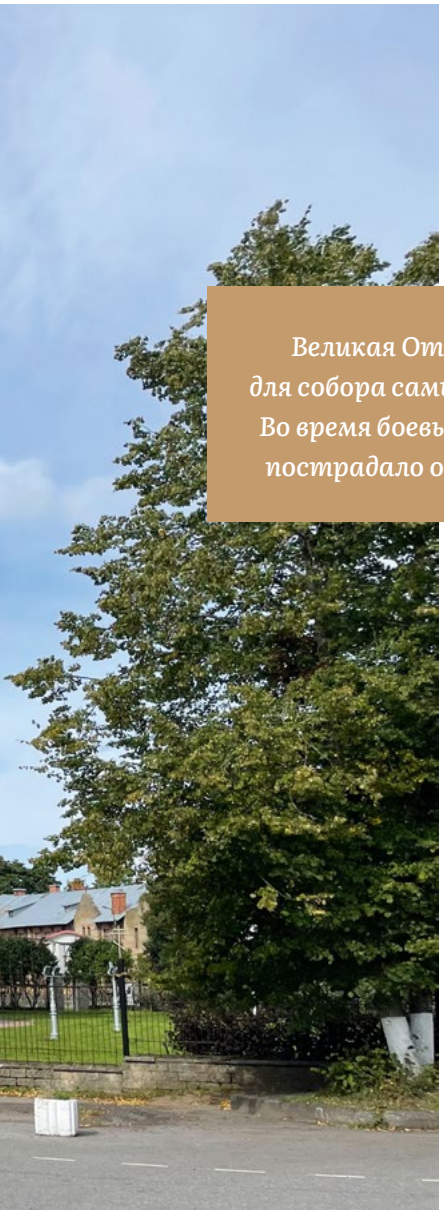

Собор святой великомученицы Екатерины в Кингисеппе. Фото С. Низова

Елагин. На строительство города ежегодно отпускались значительные средства.

Проект собора был поручен Антонио Ринальди — итальянскому архитектору, который к этому времени уже занимал заметное положение при русском дворе. В России он работал с середины XVIII века, создавая дворцовые и церковные здания. Для Ямбурга его проект оказался особенно значительным: здесь появился храм, в котором художественный язык позднего барокко постепенно соединялся с новой, более строгой эстетикой классицизма.

Началом строительства традиционно считается указ 1764 года. Однако работы на площадке начались позднее. К лету 1773 года каменный храм уже был построен, но первоначально он выглядел иначе, чем знакомый нам Екатерининский собор. Это было однокупольное сооружение в форме равностороннего креста. Восемь окон в барабане, декоративные элементы из пудожского камня, вазы, барельефы

и кронштейны придавали зданию нарядность.

Почему первоначальный однокупольный храм пришлось переделывать, источники не объясняют окончательно. Искусствовед Андрей Белобородов связывает изменение проекта с архитектурными вкусами 1770-х годов, когда пятиглавие всё заметнее возвращалось в православное храмовое строительство. Здесь особенно хорошо видно, как конкретное здание оказывается частью большой истории искусства: собор менялся вместе с представлениями своей эпохи.

Великая Отечественная война стала для собора самым тяжёлым испытанием. Во время боевых действий здание сильно пострадало от артиллерийского огня.

6 апреля 1783 года Екатерининский собор был освящён. Долгий девятнадцатилетний путь от пожара до освящённого каменного храма завершился. Название было дано в честь святой великомученицы Екатерины Александрийской. Для города появился не просто новый храм, а здание, которое должно было стать его духовной и архитектурной доминантой.

Собор и городская община

Особое место в этой истории занимало внутреннее убранство. Иконы для собора писал профессор Академии художеств Гаврила Игнатьевич Козлов. Работы продолжались и после завершения основных строительных работ, что объясняет, почему освящение состоялось только в 1783 году, хотя внешний облик собора сформировался раньше. Этот факт хорошо показывает, насколько тесно архитектура храма была связана с искусством и церковной живописью.

После революции

В 1919 году собор лишился наиболее значимых и дорогих предметов искусства. В 1922 году при изъятии церковных ценностей из храма были вывезены предметы из драгоценных металлов. В документах, связанных с историей собора, указывается значительный общий вес изъятого серебра — около 39 килограммов 800 граммов. Для прихода это означало не только материальную потерю. Исчезала часть предметного мира, через который поколениями выражалась церковная жизнь.

Решение о закрытии собора было принято 2 декабря 1931 года. После ликвидации прихода здание оказалось в распоряжении воинской части. Предполагалось использовать его под клуб, однако, судя по приведённым исследователями свидетельствам, в предвоенные годы внутри собора находились военные склады. Сам храм был ограждён, доступ гражданских лиц ограничили.

Война и руины

Великая Отечественная война стала для собора самым тяжёлым испытанием. Во время боевых действий здание сильно пострадало от артиллерийского огня. Центральный купол был разрушен, третий ярус колокольни снесён, стены покрылись следами пуль и осколков. После войны перед жителями Кингисеппа предстала не действующая церковь и даже не закрытый храм, а тяжело повреждённая руина.

Собор святой великомученицы Екатерины в Кингисеппе. Фото С. Низова

В 1958 году была выдвинута идея реставрации Екатерининского собора как уникального архитектурного памятника. Районные власти отнеслись к ней отрицательно. Предлагалось ликвидировать повреждённое здание, а строительный мусор использовать для засыпки расположенной рядом низины. Казалось, что судьба храма решена: война разрушила его, а послевоенное хозяйственное отношение к наследию могло уничтожить окончательно.

По свидетельствам, в храме уже была заложена взрывчатка. Люди поочерёдно находились рядом с собором, ожидая решения. Это был необычный способ защиты памятника, но обстоятельства были необычными: речь шла уже не о ремонте, а о самом праве старого здания остаться частью города.

Директива о запрещении взрывных работ остановила подготовленный снос. В 1960 году Екатерининский собор был признан памятником, а затем получил статус объекта культурного наследия федерального значения. В этой точке история здания приобретает особый смысл. Ринальди создал его в XVIII веке, но сохранить его для XXI века пришлось уже другим людям — историкам, реставраторам и тем кингисеппцам, которые не согласились увидеть на месте собора пустоту.

Реставрация как второе рождение

В 1965 году началась реставрация. Работы продолжались более десяти лет и шли по проекту архитектора Владимира Михайловича Тихомирова. Задача была сложной: необходимо было не просто укрепить сохранившиеся стены, а восстановить архитектурный образ здания, значительная часть которого была уничтожена войной.

Возвращение

Летом 1990 года Екатерининский собор был передан Русской Православной Церкви. 3 июня, в день Святой Троицы, здесь состоялось первое после восстановления богослужение. Осенью того же года собор посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Для Кингисеппа это стало не просто возвращением здания религиозной общине. В городское пространство вернулась его прежняя функция — храм снова стал местом молитвы.

В 1991 году настоятелем собора стал архимандрит Гурий, в миру Николай Антонович Кузьмин. Его служение оказалось связано с новым этапом жизни храма. При нём была открыта воскресная школа, а в 1992 году на её основе появилась православная гимназия. В воспоминаниях старосты Андрея Никитина сохранилась простая деталь: первое время в храме не хватало места даже для занятий, поэтому для детей и взрослых делали скамейки из досок и деревянных чурбачков.

За годы служения архимандрита Гурия проводились ремонтно-восстановительные работы, благоустраивалась тер-

ритория, появились просфорня и трапезная, был проведён водопровод. В 2006 году у собора установили крест. Вокруг храма постепенно складывалось пространство, соответствующее его новой, уже современной приходской жизни.

Есть и другая сторона деятельности отца Гурия, тесно связанная с историей Кингисеппа. В 1990–2007 годах под его руководством проводились работы по поиску, расчистке и освящению старых и новых источников, почитавшихся в Ямбургском уезде. Один из наиболее известных городских источников, у железнодорожного моста, был освящён во имя святой великомученицы Екатерины. Сначала здесь появилась часовня, позднее преобразованная в храм Всех Святых в земле Санкт-Петербургской просиявших.

Собор святой великомученицы Екатерины в Кингисеппе. Фото С. Низова

Реставрация XXI века

Перед реставраторами стояла непростая задача: вернуть зданию исторические детали и при этом сохранить то, что пережило войну и прежние восстановительные кампании. Фасады очищались, восстанавливалась штукатурка, ремонтировались окна и двери, возвращались декоративные элементы. Отдельное внимание уделялось каменным деталям и исторической цветовой гамме.

В апреле 2023 года на центральный купол был установлен отреставрированный золочёный крест. Работы над ним были выполнены с сохранением исторической конструкции и декоративных элементов. Этот момент оказался символичным: крест вернулся на купол не просто как новый элемент, а как знак того, что реставрация возвращает собору его историческую цельность.

В 2023 году основные работы по фасадам и благоустройству были завершены. Реставраторы вернули зданию исторические детали, первоначальное цветовое решение, восстановили окна и двери. Для Кингисеппа это означало, что один из главных городских ориентиров снова стал восприниматься как цельный архитектурный ансамбль.

Почему эта история важна сегодня

Сегодня собор снова стоит над Лугой. Его силуэт кажется спокойным и привычным, хотя за этой кажущейся простотой скрывается сложная история. Здесь можно увидеть следы разных эпох: XVIII столетия — в замысле Ринальди, XIX века — в позднейших изменениях, XX века — в повреждениях и реставрации, XXI века — в новой работе по сохранению памятника.

Собор продолжает жить не потому, что его однажды удалось восстановить. Его история продолжается всякий раз, когда город принимает его как часть собственного прошлого и настоящего. И, наверное, именно поэтому Екатерининский собор так естественно остаётся одним из главных ориентиров Кингисеппа: он напоминает, что исторический город — это не только улицы и дома, но и места, в которых прошлое не перестаёт быть частью сегодняшней жизни.

**Проект реализован при поддержке
Члена Военно-исторического общества,
члена попечительского совета Ассоциации
краеведов Ленинградской области,
подполковника Дениса Викторовича Новикова**

Издатель:
АНО «Институт современного государственного развития»
(ИСОГОР)

Председатель Наблюдательного совета:
архимандрит Алексий (Ганьжин),
настоятель ставропигиального Морского собора
святителя Николая Чудотворца

Редакционная коллегия:
Низов С. А. (и.о. главного редактора),
Семин Д. В.,
Солонников Д. В.

Подготовка справочной информации:
В. Д. Солонников

Подготовка текстов и иллюстраций:
РОО «Ассоциация краеведов Ленинградской области»

Дизайн и подготовка макета: ООО «ФОРОС»

Адрес редакции:
191040, Санкт-Петербург, ул. Черняховского,
д. 63–65, лит. Б, пом. 5-н.
E-mail: pr@isogor.ru

Дополнительные материалы к номеру:
region47.org/news/culture/novikov_chto_takoe_kraevedenie/